

Второй день выдался солнечным, прямо говоря, настроение князя было таким же, как светящееся солнце за окном.

Проснуться в объятиях Жун Тяня после долгой разлуки для Его Светлости стало огромным счастьем. Открыв глаза, когда солнце взошло на высоту трёх шестов[1], Фэн Мин одарил Жун Тяня бесчисленным количеством медово-сладких улыбок, настолько, что можно было утонуть в них; к тому же моментально решив солгать, Его Светлость отправил слуг найти Цин Чжана и Чжуан Пу.

— Ик... хм, так сказать. Прошу прощения, я вчера напился и немного раскашлялся, телу нездоровится, э... тогда... сегодня хочу остаться у себя в резиденции отдохнуть, насчёт договорённости вместе прогуляться по Ханьжо, вынужден отказаться, прошу царствующего дядюшку и генерала Чжуан Пу войти в положение, — Фэн Мин говорил, словно выпускал бобы через бамбуковую трубку[2], но подумав, тотчас же добавил: — Да, кстати, вспомнил, что ещё им сказать: лекарь дал мне выпить лекарства и мне требуется сон, потому ни в коем случае не стоит навещать меня.

На этот раз князь отправил незадачливого Жун Ху передать стороне Тун эту наглуемую ложь. Отложив все вышеуказанные дела, словно разобравшись с важными задачами, Фэн Мин повернулся и взволнованно запрыгнул на прислонившегося к изголовью кровати и наблюдающего за ним Жун Тяня, надменно вздёрнул голову, говоря:

— Эй, моё умение лгать улучшилось?

На что Жун Тянь улыбнулся:

— Маленькая ложь тоже достойна гордости?

Его Светлость приблизил кончик носа к его — просто-напросто лакомство само просилось в рот. Жун Тянь, не отказываясь от ответственности, безжалостно впился в сладкие губы. Вот только, одарив кратким и нежным поцелуем, Его Светлость отпрянул, даже не подозревая, что император Силэй решил им полакомиться, как каким-то яйцом.

Но разве мог Жун Тянь позволить князю так легко улизнуть?! Большая ладонь легла на затылок Фэн Мина, позволяя иссиня-чёрным длинным волосам «просочиться» сквозь пальцы и фиксируя голову любимого «малыша», у которого уже перед глазами всё кружилось, более того, стоило горячим губам коснуться друг друга, а языкам сплестись в страстном поцелуе, как находящееся в объятиях тело дрогнуло, издав двусмысленный стон.

В момент, когда «волчьи» губы и не собирались останавливаться, в комнате раздался звонкий смех:

— Князь Мин, мы войдём позаботиться о Вас?

И как обычно, не дожидаясь, пока Фэн Мин что-то скажет, Цю Лань вместе с близняшками, неся всевозможные вещи, самовольно толкнула дверь и ввалилась в комнату, где лицезрела, как князь Мин, словно крольчонок, которому наступили на хвостик, краснея, пытался увернуться из волчьих лап императора Силэй, но Жун Тянь крепко держал князя в своих объятиях, по-прежнему скользя языком по румяной щёчке.

Очувтившись в крайне неловком положении, Его Светлость со злостью вернул:

— Здесь служанки!

На что Жун Тянь гулко расхохотался:

— Они что, раньше такого не видели?!

Цю Лань, уже будучи замужней женщиной, оказалась несколько смелой и, сжав губы, с насмешкой ответила:

— Князь Мин смелеет только когда нас нет рядом. — И, поставив серебряный таз, наполненный тёплой водой, приготовила влажные полотенца для государя и молодого господина.

Близняшки также долго служили в безудержном и безнравственном дворце, но, увидев, насколько бесцеремонен Жун Тянь и обаятелен[3] князь Мин, который по-прежнему краснел от стыда, сестры захихикали и, опустив головы, стали тщательно подготавливать сладости и заваривать утренний горячий чай, после чего поднесли к кровати, позволяя государю и Его Светлости насладиться поздним завтраком.

Дождавшись, когда Жун Тянь ослабит хватку, Фэн Мин с большим трудом выбрался из оков силэйского императора и, совершенно ни на что не намекая, стал поглаживать ухоженные прекрасные чёрные волосы, струящиеся по плечу. Его Светлость с нежно-красным румянцем на белом лице выглядел крайне соблазнительно.

Князь бросил злобно-пристальный взгляд на Жун Тяня:

— Знал бы раньше, ни за что бы не отказался от приглашения Цин Чжана и, уйдя на прогулку, позволил бы тебе пребывать в полном одиночестве.

Безжалостные слова сорвались с губ, но стоило Его Светлости посмотреть на закрывшего глубокие глаза Жун Тяня, который спокойно наслаждался заботой Цю Лань — служанка махровым полотенцем тщательно обтирала его лицо, — против своей воли приблизился и, выхватив у неё полотенце, высунул язык со словами:

— Дай, я сам.

Поначалу было желание зло поиздеваться над этим отвратительно видным мужчиной, однако при виде шелковинки усталости, которая, словно ещё не успела рассеяться, сердце охватила смутная боль.

Чувствуя приближение любимого феникса и понимая, что тот задумал что-то коварное, Жун Тянь сделал поблажку — не стал обращать внимание и, по-прежнему держа глаза закрытыми, запрокинул голову в ожидании. Но князь медлил, затем всё же начал терпеливо мягкой тканью вытирать веко молодому мужчине, щеку... словно очерчивал любимые черты, по которым скучал, храня их глубоко в сердце во время разлуки, более того, сам князь не мог поверить, что внешность императора Силэй пробудит столько нежности в его сердце.

Фэн Мин невольно побранил себя, буркнув под нос, за несдержанность. Почему внезапно вспомнилась слащавая идиома «встреча после недолгой разлуки слаще медового месяца»? Здесь, рядом с Жун Тянем, даже такая крайне обычная мелочь заполняла сердце сладостью и счастьем.

Три стоящие в стороне служанки где-то глубоко в душе понимали: не стоит тревожить такой интимный момент, потому улыбались, прикрыв рты и переглядываясь озорными взглядами.

Когда же Фэн Мин покончил с необычайно важным делом, то передал полотенце стоящей рядом же Цю Лань, а Жун Тянь, открыв глаза, во взгляде которых читалась тёплая и безмятежная улыбка, шёпотом спросил:

— Я покормлю тебя пирожными, хорошо?

— Не хорошо. — И Его Светлость усмехнулся: — Я покормлю тебя.

Близняшки, обладая блестящим умом, не стали дожидаться приказа, а сами, взяв в руки блюдечки с лакомством, что обычно нравилось есть Жун Тяню, подали князю, который немедля взял кусочек и, попробовав на вкус, отозвался:

— Съешь, это твоё любимое, но кажется, сюда ещё что-то добавлено. — И положил вкусность в рот Его Величества.

На что молодой мужчина, прожевав, воскликнул:

— Кажется, добавлена пряная трава[4], стало ещё вкуснее, чем раньше. Если уж говорить о готовке, то Цю Лань — лучшая мастерица в этом.

Стоящая в стороне и ожидавшая приказа Цю Лань, в руках которой находилась серебряная чашечка с водой, с расцветшей внезапно душой спешно и церемонно упала на колени, даже случайно чуть пролив воду, и робко проговорила:

— Государь незаслуженно хвалит, где уж там Ваша служанка — мастерица?! В пирожное добавлен сбор пуло[5], это местная трава Ханьжо. Ваша служанка попробовала и посчитала, что будет неплохо её добавить в пирожные, потому для пробы сделала одно блюдечко.

Поскольку Его Величество вновь встретился со своим любимым фениксом, то и ничего дурного в поступке Цю Лань не увидел, а, наоборот, мягко «мыкнул» и поманил пальцем. Служанка всё так же спешно обеими руками подала серебряную чашечку, заботясь, чтоб государь испил воды.

После Жун Тянь добавил:

— Очень вкусно, Фэн Мин, дай ещё кусочек.

— Слушаюсь, государь, — смеясь, отозвался князь, передразнивая обычный тон служанок, и, снова поднеся несколько кусочков, отправил в рот государю.

Жун Тянь обладал не только огромной физической силой, но ещё и хорошим аппетитом; удобно облокотившись на изголовье кровати, молодой мужчина позволил трём служанкам и одному милому и очаровательному князю поухаживать за собой, поскольку подобное являлось огромной удачей и не насладиться ею было грешно, и уже вскоре близняшки держали в обеих руках полностью опустошённые тарелочки.

Приказав Цю Юэ принести ещё какие-нибудь лакомства, Фэн Мин подмигнул Жун Тяню:

— У тебя такой хороший аппетит, неужели из-за того, что я тебя кормлю? — с улыбкой спросил князь, однако на самом деле сердце охватывала боль за возлюбленного.

После расставания Жун Тяню пришлось мчаться от Юэчжуна до Дунфань, а потом оттуда до Ханьжо; в отличие от его, князя, пути, государю Силэй нужно было проделать свой тайно, дабы никто из врагов не прознал, где он находится, и в этой дороге Жун Тяню неизвестно чем приходилось питаться.

Когда Цю Юэ принесла новую порцию пирожных, Жун Тянь уже не опирался на изголовье, наоборот, сев прямо, обхватил Его Светлость:

— Давай-ка теперь этот император покормит тебя. — Волчья натура императора Силэй даже после разлуки осталась неизменной — взяв кусочек пирожного и поместив между губами, молодой мужчина на глазах у трёх служанок наклонился к Фэн Мину, начав кормить любимого феникса изо рта.

— Не у-у... — Стыд охватил всё тело, но Его Светлость не смог оттолкнуть Жун Тяня, стоило губам разомкнуться, как немедля пирожное, пропитанное слюной государя, было впихнуто в рот.

Чем вкуснее завтрак, тем развратнее государь становился, даже водой поил князя изо рта.

За подобное поведение Фэн Мин втайне ненавидел отвратительного Жун Тяня, ведь потом три служанки за спиной будут смеяться над их заигрываниями, однако желание настойчиво оттолкнуть молодого мужчину для князя показалось крайне жестоким, в итоге меньше половины пирожных было съедено Жун Тянем, а большая часть скормлена любимому фениксу.

Когда шум поднялся чуть ли не до потолка, в комнату ворвался радостный Жун Ху. Ещё будучи в дверях, слуга сказал, смеясь:

— Хорошая новость, Цзы Янь вернулся.

Князь, приятно удивившись, резко сел на кровати:

— Цзы Янь вернулся? — И присмотрелся.

Сзади, следуя за Жун Ху, действительно оказался виновник беспокойства Фэн Мина, решивший уладить дело с морскими разбойниками, Цзы Янь. И хоть прибрежное солнце опалило его тело до смуглого цвета, а само поручение немного истощило, сам молодой генерал выглядел, как всегда, мужественно и стойко.

Жун Ху прервал молчание:

— К счастью, я в дверях гостиницы натолкнулся на него, иначе пришлось бы ждать согласия этого мрачного духа[6], Ло Нина, чтобы пройти внутрь.

Фэн Мин радостно сказал:

— Цзы Янь, от тебя не было никаких новостей, я беспокоился, что тебя морские разбойники...
— слова не успели стихнуть, как раздался глухой стук.

Только что вошедший Цзы Янь всё с таким же каменным лицом внезапно рухнул на колени.

Ик? Все застыли в удивлении. Так же, как и князь, который, непонимающе моргая, в оцепенении спросил:

— Что это с тобой?

— Государь, князь Мин, Ваш подчинённый бесполезен, нападение морских разбойников на джонки князя Мина, произошедшее на реке Оман, — это всё вина Вашего подчинённого! — На лице мужчины появилось глубокое чувство вины.

Так и не дождавшись на побережье вызванного на поединок Хэ Ди, Цзы Янь по возвращении получил новость, что принц сел на корабль и отправился в Тун, и понял — грозит страшное. Молодой генерал, не тратя времени, отправился в дорогу, дабы помочь князю Мину, но прибыв в Ханьжо, смутно услышал от подчинённых Цин Чжана, которые рассредоточились у городских ворот, о столь печальных известиях, что были подобны грому среди ясного неба. Возглавляемый князем Мином караван судов рода Сяо прошлой ночью подвергся ужасающей атаке, неприятелем как раз являлся даньлинский принц Хэ Ди. Князь Мин, как и все его подчинённые, едва не погиб.

Даже десятки ранений в грудь не были столь мучительны, как услышанная новость по поводу внезапного появления и последующей атаки со стороны Хэ Ди. Цзы Янь, совершенно не колеблясь, догадался о причинах — его провокация разгневала этого крайне жестокого и коварного главаря морских разбойников. Потому Хэ Ди и выбрал караван судов князя Мина, дабы бесстыдно нанести внезапный удар!

Если бы не желание сохранить жизнь, чтобы вскоре просить снисхождения перед лицом государя и князя Мина, то невзирая на наказание, не терпящий таких грубых ошибок Цзы Янь только и мечтал немедля вытащить меч и тотчас же покончить с собой. Ведь его обязанность — подчиняться указам государя и защищать Его Светлость, но вместо того, чтобы отправиться с князем Мином в путешествие, до этого воссоединившись с ним, в итоге сам навлёк на голову князя такую беду!

— Не-ет! То, что произошло позавчера ночью на реке Оман...

— Вашему подчинённому стыдно вновь прислуживать государю и князю Мину, прошу государя наказать этого подчинённого. — Цзы Янь, достав из-за пояса меч, свесил голову и решительно преподнёс его, держа в обеих руках.

Что же касается битвы с Хэ Ди, что закончилась ничьёй, Жун Тянь во время отсутствия Фэн Мина выслушал доклад Жун Ху, который мало знал о некоторых деталях данного дела, потому, конечно, немного рассказал государю.

Даже будучи лихим человеком, император с трудом мог разобраться в различных хитроумных приёмах. Фэн Мин же в большей степени был в замешательстве[7].

При взгляде на сетующего и испытывающего угрызения совести Цзы Яня, который мало того, что опустил на колени, так ещё и с мечом в руках, казалось, что дело приобрело серьёзный оборот, поэтому Фэн Мин спешно и во всех подробностях начал объяснять, устраняя «недопонимание»:

— Цзы Янь, сначала убери это и больше так не делай, а то, что произошло на реке Оман, к тебе никакого отношения не имеет. Они не являются даньлинскими разбойниками, ик, поначалу мы тоже ошибочно их посчитали пиратами, но на самом деле это люди второго принца Даньлин Хэ Ди.

— Ничего подобного, князь Мин! Этот Хэ Ди... — просящий снисхождения и охваченный муками совести Цзы Янь, конечно же, говорил приглушённо и никак не мог донести сказанное до слуха Его Светлости, который трещал сейчас подобно сороке.

— Этот Хэ Ди сказал, что произошедший бой являлся лишь тренировкой на случай, если на караван судов рода Сяо нападут морские разбойники, и я, разумеется, понимаю — он нехороший человек. Вот только по итогу всё прошло просто замечательно, и мы с ним вдвоём подписали мирный договор.

— Мирный договор?

— Да-а. Официальный договор между нами и царствующим домом Даньлинь, который, в свою очередь, обязался помочь проложить водный маршрут к светящемуся песку, к тому же вместе с нами поможет противостоять морскому разбою. Благодаря их содействию, надеюсь, мне удастся благополучно решить задание отца. — Его Светлость, обернувшись, с воодушевлением и в то же время надменно, как бы говоря: «Я весьма потрясаящ!», посмотрел на Жун Тяня, после чего вновь перевёл взгляд на Цзы Яня, продолжив: — А с помощью светящегося песка сможем укрепить нашу военную мощь, создав высококачественное оружие, что, несомненно, принесёт огромную пользу в плане завоевания Жун Тянем всей Поднебесной.

— Князь Мин...

— Да, кстати, дабы наладить дружественные связи, усилив их, мы решили назначить специального посланника. Эй, Цзы Янь-а, я не ожидал, что ты так лихо справляешься с морскими разбойниками в даньлинском проливе, даже царствующий род Даньлинь слышал о твоём имени. К тому же ты юн, превосходно владеешь искусством меча, довольно хорошо знаешь окрестности даньлинского моря, опытен и крайне хитроумно справляешься с делами.

Внезапно дурное предчувствие охватило душу, а все восхваления Его Светлости прошли мимо ушей, словно шелест листьев, оставляя в голове лишь пустоту. Цзы Янь медленно поднял голову и уставился на князя, в чьих глазах плескались радость и яркие лучи надежды.

— Поэтому, — верещал Фэн Мин, — я в нашем договоре указал, что с этого дня ты назначаешься постоянным даньлинским посланником.

Держащий обеими руками меч Цзы Янь неожиданно крепко стиснул пальцы:

— Князь Мин... отправляет этого подчинённого исполнять обязанности даньлинского посланника?

— Ага, кроме тебя никто не сможет выполнить эту работу. — И князь с изумлением спросил: — А ты не хочешь?

— Этот подчинённый не осмелится и, конечно же, повинуется приказу князя Мина, — прозвучало спокойно в ответ.

Однако казалось, что неподалёку за ним шутливо следят изящно удлинённые, наполненные порочностью и сладострастием глаза того мужчины, вызывая в душе настороженность и страх.

Сдерживая чувства, подобные волнам, что захлёстывали как небо[8], так и сердце, Цзы Янь невозмутимо задал вопрос:

— Позвольте спросить у князя Мина, с кем должен связываться Ваш подчинённый в Даньлинь, кто будет отвечать за сообщения, и когда приступить к исполнению?

— Ну, э... — Фэн Мин почесал в затылке и, немного подумав, защебетал, советуясь с Жун Тянем: — В моём договоре заключалось соглашение с даньлинским принцем, к тому же там что-то говорилось о половине прибыли от светящегося песка, что-то об обмене на смолу, всё указывалось на него... Ик, следовательно, Цзы Яню в основном нужно будет связываться с Хэ Ди?

На что Жун Тянь кивнул.

Прошлой ночью император, получив от Жун Ху документ, видел основное содержание мирного договора. И о назначении Цзы Яня уже знал.

Являясь вторым приближённым генералом Его Величества, Цзы Яню нужно было отправляться в другое место, и хоть расставание давалось действительно сложно, однако дело Даньлинь являлось крайне важным и далеко необычным. В особенности, когда речь заходила о прибыли от светящегося песка и проложении водного пути, а также об улучшении военной мощи и изготовлении высококачественного оружия, которое напрямую зависело от поставки песка в Силэй. А раз светящийся песок во всех смыслах был необходим, то и данное дело не требовало каких-либо раздумий.

Если бы его любимый феникс не назначил Цзы Яня, то ради такого общего блага сам Жун Тянь, обдумав, кто из его подчинённых способен вести с серьёзностью и осторожностью дела, учитывая преданность, безусловно отправил бы именно молодого генерала в Даньлинь.

Фэн Мин впервые собственноручно подписывал мирный договор, назначая специального посла, и перед лицом любимого, ещё больше не сдерживая изящества, заговорил со свойственным ему нравом, серьёзно повелевая:

— Цзы Янь, будем действовать в соответствии с нашим уже подписанным договором, поэтому тебе придётся поддерживать связь со вторым даньлинским принцем Хэ Ди и как можно больше с ним общаться. Да, кстати, он на первый взгляд кажется дурным и совершенно непорядочным человеком, тебе нужно несколько остерегаться его, но, с другой стороны, он всё же является нашим существенным союзником, к тому же у него в подчинении достаточно

лихие бойцы, более того, он отважен и искусен в бою, без крайней необходимости тебе ни в коем случае нельзя оскорблять его. А! Ещё используй притворную вежливость и уступчивость[9], если получится, то лучше притворяйся.

— Ваш подчинённый понял.

— Что же касается поездки... — помотав головой и задумавшись ненадолго, Фэн Мин заговорил: — Мы с принцем Хэ Ди условились встретиться в Тунцзэ, когда прибудем туда, я возьму тебя с собой на встречу с ним. Так или иначе, всё равно находимся в Тун, побережье которого расположено вблизи даньлинского моря. Кстати, недавно я наладил весьма неплохие отношения с царствующим домом Тун, и кто знает, может быть, мы скоро добьёмся поставленной цели, решив задачу по освоению нового маршрута и поставке светящегося песка. Эй, Жун Тянь, поставленный моим отцом срок — год?

Поскольку император Силэй являлся учеником Сяо Цзуна, на самом деле он не мог унять по данному вопросу головную боль.

Однако сейчас, когда забрезжила шелковинка света, на душе стало гораздо спокойнее. Вот только молодой мужчина прекрасно понимал: даже при своей сообразительности ему такой лакомый кусок пирога не свалится с неба, и в будущем нужно ещё раз вернуться к обсуждению, а там и решению данной проблемы, вот только почему-то она не являлась столь привлекательной перспективой, чем первоначальная беспомощность[10]. И Жун Тянь, улыбнувшись, ответил князю:

— Да. Поэтому следует беречь каждую секунду. Если выполнить данное поручение, то учитель, полагаю, посмотрит на тебя другими глазами.

— Хорошо, если снова не захочет ударить меня мечом, — пробормотал князь, жалуясь и до сих пор помня свой страх, когда Сяо Цзун ранил Жун Ху, при этом Его Светлость в душе не ведал, что стоящий перед ним Цзы Янь хоть внешне и сохранял спокойствие, но вот в сердце всё перевернулось вверх дном[11].

Поначалу Цзы Янь хотел озвучить догадки о том, что Хэ Ди является предводителем даньлинских морских разбойников, но посмотрел на лица государя и князя Мина, которые только и мечтали вверить молодому генералу задачу, оглашённую в недавно подписанном мирном договоре.

Цзы Янь, как никто, прекрасно знал об обстановке с морским разбоем, более того, хоть Жун Тянь и являлся хитроумным стратегом, но всё же не тренировался вблизи даньлинского пролива, как и в самом море, и совершенно не знал, как выглядят свирепствующие в тех просторах лютые пираты.

Говоря о невезении, то в нынешней ситуации даже если объединяться всеми судами, что были в наличии у трёх союзников: Силэй, Дунфань и людей рода Сяо, то, вероятно, они всё равно не смогли бы разбить военную и непобедимую мощь главаря Хэ Ди.

В таком случае сказать о догадках означало свести на «нет» радость государя и князя Мина, да ещё и совершенно не помочь в данном вопросе, тогда какой во всём этом смысл? Потому дело, касаемое Хэ Ди, он, Цзы Янь, принял как собственный долг.

И раз уж его назначили специальным посланником, то он непременно задействует все имеющиеся силы, дабы справиться с Хэ Ди и позволить князю Мину беспрепятственно освоить новые пути по поставке светящегося песка.

— Цзы Янь, — голос князя вырвал из раздумий, — незачем стоять на коленях, или я неясно объяснил? К произошедшему на реке Оман ты никакого отношения не имеешь, вставай, убери меч. Ты завтракал? Пирожные остались? Цю Син, иди и принеси ещё.

— Слушаюсь, князь Мин, — звонко отозвалась служанка, однако так и не сдвинулась с места, продолжая улыбаться.

Как следует всё обдумав, молодой генерал решительно убрал меч и поднялся. Жун Ху, вечно следовавший за Фэн Мином и к тому же являясь женатым на Цю Лань человеком, преуспел в понимании желаний своих господ и, сложив руки в знак почтения, обратился к Жун Тяню:

— Государь, Ваш подчинённый вместе с Цзы Янем пойдёт перекусит чего-нибудь. А после я и Цзы Янь побеседуем с Ло Юнем, дабы избежать дальнейший препятствий со стороны людей семьи Сяо, когда Цзы Яню захочется выйти или, наоборот, войти к Вашему Величеству или князю Мину. К тому же Ваши подчинённые не станут мешать государю и Его Светлости в обсуждении военных и государственных дел.

«Военных и государственных дел?» Фэн Мин понял настолько, что даже шея покрылась румянцем.

— Пойдём? — всегда скромный и спокойный Жун Ху неожиданно «выдал» такую шутку, что даже Жун Тянь не удержался от лёгкой улыбки и кивнул.

Жун Ху, похлопав товарища по плечу, вывел Цзы Яня из комнаты. Дождавшись, когда все покинут помещение, Цю Син закрыла двери.

Оставшись без телохранителей, Фэн Мин наконец-то дал волю чувствам и воскликнул, не удержавшись:

— Решив дело с Даньлинь, продолжим завтрак!

Снова началась грандиозная игра «взаимное кормление завтраком», крайне бесцеремонная и заставляющая развратно краснеть, что в итоге даже Цю Лань не выдержала и, сославшись на предлог, что нужно готовить обед, умчалась, прихватив с собой близняшек.

В комнате остались лишь двое мужчин. После неизвестно какого по счёту страстного поцелуя возлюбленные отпрянули друг от друга, задыхаясь. Но вскоре снова, прижавшись, стали перешёптываться интимными фразочками.

— Кстати говоря, — Фэн Мин вынул из-за пояса нефритовую флейту и, словно хвастаясь, показал Жун Тяню. — Я, когда плыл на корабле, встретился с известным «нежеланным государем» Ду Фэнем. На самом деле он необычен и обладает прекрасными манерами, вот уж действительно выдающаяся личность, да и на флейте играет превосходно. Он, кроме всего прочего, подарил эту нефритовую флейту, вот, глянь. — И, самодовольно размахивая вещицей, со смехом добавил: — Никому не позволено на ней играть, кроме тебя. Хи-хи, только ты исключение.

Однако Жун Тянь, не удостоив подарок взглядом, мягко проворчал:

— Ерунда! Зачем вещицы какого-то Ду Фэна? Этот император хочет сыграть, но только на флейте князя Мина.

Фэн Мин поначалу растерянно заморгал, но спустя какое-то время оцепенение прошло, и князь понял, что конкретно Жун Тянь имел в виду, и тотчас же зарделся, и, указывая флейтой на нос Его Величества, запнулся:

— Ты... ты...

Глядя на столь забавную мордашку князя, Жун Тянь рассмеялся, после чего отобрал вещицу и, бесцеремонно отбросив в сторону, немедля повалил Фэн Мина на мягкое одеяло, при этом специально спрашивая:

— Что «ты»? Этот император что-то не то сказал?

— Ты... ты... т-ты распутник!

— Верно, этот император распутный. — И, напустив на себя строгий вид, Жун Тянь, в глазах которого таилась нежная улыбка, добавил: — Но развратничаешь ты. Давай-ка, смиренно приляг для этого императора и ни в коем случае не вертись.

— Зачем?

— Чтобы сыграть на флейте[12], — непринуждённо отвечая, император Силэй смело развязал одежды Фэн Мина, обнажая пару белоснежных, словно нефрит, ног, и, устроившись между ними, припал губами к очаровательному члену Его Светлости.

— У-у... — Фэн Мин тяжело задыхался, изогнув изящную шею, и изо всех сил подался бёдрами вперёд.

Звуки влажного сосания получались крайне непристойными. Жун Тянь, заметив, как медленно изгибается поясница любимого в явном наслаждении, усмехнулся и старательнее заскользил как языком, так и губами по стволу, облизывая и целуя, — старался угодить любимому фениксу.

Облизывая чувствительное место на головке, молодой мужчина стал издавать ещё более постыдные звуки. Где уж там было противиться натиску этого развратника? Потому вскоре губы Его Светлости слегка разомкнулись, и робкий соблазнительный стон вырвался наружу, а сам князь прерывисто «подстёгивал»:

— Жун Тянь... Хн-у-Жун-у-у... Жун Тянь...

Коварный император Силэй изменил тактику — кончиком языка лизнул отверстие на головке, позволяя Фэн Мину неожиданно выгнуть тонкую талию и почти всхлипнуть. Подобно маленькому животному, князь, глотая слёзы, не удержался и пяткой провёл по крепкому телу молодого мужчины, что устроился между его ног.

Схватив белоснежную лодыжку, Жун Тянь немного ослабил натиск и, подняв голову, шутливо спросил:

— Ну как? Этот император играет на флейте лучше, чем Ду Фэн?

Фэн Мин, наконец получивший возможность отдохнуть, от подобной шутки немного разозлился; охваченный стыдом и нетерпением князь, с шумом выдохнув несколько раз, набрался смелости и сердито ответил:

— Не доиграв на флейте, как можно определить? Скорей закончи играть! Иначе этот князь Мин накажет тебя за то, что прервался на полпути! У-м...

Половина слов оборвалась, Жун Тянь, даже не позаботившись «отбить атаку» со стороны Его Светлости, вновь вобрал член в рот, от души стал развлекаться, фривольно водя языком, заботливо ухаживал за чувствительными складками и особенно бережно отнёсся к головке. Быстрые движения набухшей и разгорячённой княжеской плоти во рту передавали желание, порождая в душе Его Величества трудно сдерживаемое возбуждение.

Ожидавший наилучшего момента Жун Тянь, до этого наслаждавшийся вкусом удовольствия и крайнего возбуждения Фэн Мина, внезапно и резко вобрал член глубже, заставляя любимого феникса издать краткий радостный вопль и высвободить бурлящее между ног желание.

Излившись, охваченный истомой князь расслабил поясницу.

Император Силэй, так и не дождавшись ответа, проглотил сладкий белёсый «крем», вытер уголки губ и, поднявшись к плечу князя, низким тоном проговорил фразу, смысл которой оба

интуитивно понимали:

— Теперь князь Мин смог определить?

По-прежнему погружённый в отголоски удовольствия Фэн Мин слегка вздохнул, закрыв глаза, однако щёки окрасились нежным румянцем, а красные губы изогнулись в едва заметной улыбке, сам же князь не проронил ни слова.

Глядя, как густые ресницы любимого феникса мелко дрожат, неопишимо трогательно и мило, Жун Тянь вытянул руку и подушечками пальцев, где было мало мозолей, неслышно погладил их, обводя чувствительные веки.

Пфыкнув, Фэн Мин улыбнулся и открыл чистые и непорочные глаза:

— Очень щекотно[13].

Настроение значительно улучшилось, и, прикрыв своё императорское стройное и упругое тело, Жун Тянь пристально посмотрел на Фэн Мина, при этом сексуально прошептал, дурачась:

— Давай-ка мы займёмся менее щекотным делом?!

На что Фэн Мин повернул голову и ответил, выйдя из раздумий:

— Вот только сделаем это дважды, угу? — Ведь если заранее не договориться, то этот долгое время сдерживающий желание развратник наверняка может проглотить его, князя, живьём[14].

— Угу.

Его Светлость с радостью «содействовал»[15], поскольку они слишком долго не были вместе, да и Жун Тянь, потративший немало времени на прелюдию, медленно вошёл.

«Грибовидная» головка постепенно проникала в сжатое колечко мышц, которое в итоге расширилось. Болезненная наполненность и удовольствие заставили Фэн Мина издать жалобно-обворожительный стон.

— Всё ещё больно? — остановился Жун Тянь и, опустив голову, взглянул на князя.

Тот, в свою очередь, с обидой посмотрел в ответ, при этом вид у Фэн Мина был словно он вот-вот расплчется, лишая молодого мужчину рассудка и приводя в крайнее безумство.

— Значит, не делать так? — «отступил» Жун Тянь, дабы вскоре «перейти в наступление».

Но вместе с тем, подло вынув немного член, вновь не торопясь поддался бёдрами вперёд. Как могло мужское тело, сдерживающее желание столько дней, после того, как расширился вход, так медленно двигаться внутри?

Стоны князя внезапно изменились в мелодичности, а сам Фэн Мин, вытянув руки, обвил шею Жун Тяня. Государь Силэй порочно рассмеялся, крепкие бёдра медленно двигались туда-сюда, доставляя почти изнурительную пытку, боль от скольжения прошла, но чувство неудовлетворённости, нестихающее желание и пустота охватили душу, а чем медленнее двигался член, тем мучительнее становилось.

Самое странное, что даже при таких ничтожных движениях — от трения члена о слизистую оболочку — развратные звуки были очень слышны.

— Жун Тянь... — князь интуитивно сжимал толстый разгорячённый член, но всё время ошибался, ощущая пустоту и лишь незначительные касания о самую чувствительную точку.

Не стерпев подобных издевательств, всемирно известный и очень скромный князь Мин из Силэй наконец не мог больше сдерживаться и, выпустив из-под густых ресниц страдальческую слезу, всхлипнул, протестуя:

— Жун Тянь... Не нужно больше издеваться надо мной...

Император Силэй, злобно улыбнувшись, увеличил темп. Неистово выпрямив спину, молодой мужчина вогнал до конца разгорячённый и твёрдый член, очень глубоко проникая.

— А! Хн-хн... — Ужасающая сила натиска привела в экстаз, высвобождая тяжёлое дыхание, словно Его Светлость тихо всхлипывал.

Обладающему крепким телом, да к тому же сдерживающему желание все дни, что они находились в разлуке, Жун Тяню ничего не стоило за два раза довести Фэн Мина до бесчувствия. После второго «раунда» появилось стойкое ощущение, что начинается третий.

Стиснутый в крепких объятиях императора Силэй, Фэн Мин, покрасневшись, хватал воздух ртом и протестуяще выстанывал:

— Ты... М-м... У-у... Ах... Жун Тянь... Ты согласился только на два раза...

— Я согласился-а? Я лишь сказал «угу», не более. — И, опустив голову, молодой мужчина сжал бордовый торчащий сосок левой груди и слегка потянул зубами. Услышав развратно-довольный крик Фэн Мина, Жун Тянь с улыбкой разжал челюсть, после чего шероховатым языком стал лизать, играя с этой чувствительной бусинкой, при этом ласково говоря:

— Фэн Мин, мы с тобой давно не сближались, так почему двух раз должно быть достаточно?

Мне так и хочется заняться этим двадцать раз, двести раз...

Отыскав губами губы князя, молодой мужчина только коснулся их, как горячий язычок Фэн Мина немедля высунулся и по своей воле лизнул уголок губ императора Силэй. Влажное и любезное «приглашение» просто-напросто свело Жун Тянь с ума, который обрушил натиск страсти на голову любимого феникса и любил до тех пор, пока мышцы не утомились и силы не иссякли[16], и, полностью насладившись, отпустил своего сладкого мальчика[17].

После бурной близости[18] двое мужчин лежали на кровати, тяжело дыша, и с неопишуемым счастьем держали друг друга в крепких объятиях. Жун Тянь протянул руку к любимому фениксу, который позволил Его Величеству нагло гладить собственное тело там, где вздувается.

Потратившие много сил мужчины, заключив друг друга в объятия, заснули крепким сном.

Примечания:

[1] Обр. в знач.: солнце уже высоко, т.е. позднее утро.

[2] 直通通 (zhútōng dào dòuzi) — чжутун дао доуцзы — всё высказать, выложить напрямик.

[3] 馥郁 (huósè shēngxiāng) — хосэшэнсян — дословно можно перевести как «яркий цвет источает аромат». Строки берут своё начало из стихотворения танского поэта Сюэ Ная (817-880) «Синхуа» (цветы абрикоса); позже строки стали идиомой, которая описывает богатые на аромат яркие цветы, а также красивого и обаятельного человека, в частности женщину.

[4] 香草 (xiāngcǎo) — сянцао — ароматические травы, пряные травы, ваниль.

[5] В названии этой травы есть скрытый подтекст. Если перевести по-иероглифно, то 仆 (pǔ) (rǔ) (rǔ) (lú) означает «упасть, попавшись в силки» или «упасть завлечённым»: 仆 (пу) переводится как упасть, повалиться, 罗 (ло) — силок, сеть для ловли птиц, завлекать, привлекать. То есть автор намекает, что наши герои будут вовлечены в особое дальнейшее действие:)

[6] В оригинале Жун Ху назвал Ло Нина 晦面神 (hēimiàn shén) — хэймянь шэнь — что можно перевести как «мрачнолицый дух», а также «злобный\преступный облик\дух».

[7] В оригинале фраза звучит как «монах ростом в один чжан и два чи — до головы не дотянуться», обр.: не разумеешь чего-то; не знать, что делать; быть в замешательстве; озадачиться.

[8] 滔天大浪 (tāotiān dàlàng) — таотянь далан — захлёстывать небо, вздыматься до небес; обр. о страшном, чудовищном.

[9] 扣人心弦 (xū yǔ wēiyú) — суй\цуюй юй вэйи — также можно перевести как «скрепя сердце\халтурить\заигрывать».

[10] В оригинале фраза звучит как «ни одного плана не осуществить», обр. в знач.: оказаться беспомощным; не в силах ничего придумать; оказаться в тупике, не найти выхода.

[11] В оригинале фраза звучит как «перевернуть вверх дном реки и моря», обр.: хаос;

перевернуть всё вверх дном; устроить беспорядок.

[12] 吹箫 (chuīxiāo) — цхуэйсяо — в «нормальном» переводе означает «играть на бамбуковой флейте», однако словосочетание ещё используется в жаргонном значении «делать минет».

[13] 痒 (yǎng) — ян — можно перевести как «щекотно», но также и «зуд\непреодолимое желание\нетерпение».

[14] Полная фраза звучит как 餒死 (shēngtūn huóbō) — шэнтунь хобо — «заглатывать живьём и обдирать заживо», обр.в знач.: истощить, лишить сил.

[15] Данная фраза отсылает к 88-ой главе, когда Жун Тянь просил Фэн Мина о содействии в постели.

[16] Обр. в знач.: совершенно выбиться из сил; быть совершенно изнуренным.

[17] 小东西 (xiǎodōngxi) — сяо дунси — мелочь, малыш, кроха.

[18] 雨云 (yǔnyún) — юньюй — в прямом переводе означает «тучи и дождь», но ещё используется для обозначения сексуальной связи, места встречи любовников, любовного свидания. Метафора берёт свое начало из стихов Сун Юя (китайский поэт, 290(?) — 222(?) до н. э.) «Свидание», рассказывая про гору Ушань (место с беседкой, позже на том месте был воздвигнут храм), где князь Чу пережил во сне роман с феей горы Ушань, превратившейся утром в облако, а вечером — в дождь.

<http://bllate.org/book/13377/1190244>